

Чжао Фан заметно воодушевился:

— Сяо Гу, ты что, начал что-то вспоминать?

Юноша и впрямь выглядел иначе – взгляд перестал быть совсем уж отсутствующим.

Но Гу Сы лишь покачал головой:

— Нет.

Лицо снова приняло привычное туповатое выражение, будто давешняя улыбка лишь привиделась Чжао Фану.

— А, понятно, — разочарованно протянул тот.

Видно, он и впрямь сгубил главного героя. С таким умом на трон лезть – только голову подставлять, лучше уж оставаться мирным обывателем.

Жаль только его любовь с героиней: без высокого статуса им вряд ли суждено быть вместе.

Погруженный в раздумья, Чжао Фан не заметил, что делает юноша, пока задницу снова не пронзила острая боль.

— Ты что творишь?! — Он едва не подпрыгнул на месте.

Юноша смотрел на него с самым невинным видом, точно ребенок, совершивший промах:

— Братец Чжао, ты же ранен, я хотел помочь тебе смазать раны...

Преодолевая боль и едва сдерживая слезы, Чжао Фан выдавил:

— Ни... ничего. Я знаю, что ты не со зла, я не сержусь.

«О-о-о-о... точно всё сгниет».

Юноша покорно стоял рядом, опустив голову, пока Чжао Фан, кривясь от боли, стирал остатки мази и терпеливо объяснял, почему именно это средство ему не подходит.

Тот послушно кивал, но в глубине его темных глаз сквозила насмешка.

«Тупица, еще и других за дураков держит».

В империи Великая Цзинь превыше всего ценилась военная сила, и чиновники стояли ниже полководцев. Многие простолюдины не знали даже азов грамоты, но Чжао Фан был уверен: в любую эпоху знания – это капитал.

Он решил во что бы то ни стало обучить юношу, взяв на себя роль его наставника.

Для этого он даже составил расписание: утром – словесность, днем – счет, вечером – истории.

Из-за травмы на пятой точке Чжао Фану приходилось вести уроки лежа на животе.

Поначалу юноша не придавал занятиям значения – то, чему его учили сначала, было слишком просто, он знал это еще в колыбели. Но постепенно Чжао Фан начал вводить в обучение странные, упрощенные иероглифы.

Смысл был тот же, но писались они гораздо быстрее – идеальный тайный шифр для передачи донесений.

Юноша молча запоминал каждый символ, показанный учителем.

Чжао Фан не ждал от своего ученика великих успехов, учитывая его «диагноз», но, видя рвение парня, старался изо всех сил.

— А это что за слово? — Нарочно спросил юноша.

Чжао Фан вывел кистью на бумаге:

— Гу.

И следом аккуратно подписал латинскими буквами: — «G-u», Гу – это твоя фамилия. А «Сы» – твое имя.

— Откуда ты знаешь мое имя? — Внезапно спросил юноша.

Пользуясь амнезией подопечного, Чжао Фан называл его по имени без стеснения, так что и сейчас не моргнул глазом:

— Твоя матушка перед смертью сказала. Она мне тебя вверила.

Взгляд юноши на миг стал холодным как лед, но губы тронула странная улыбка:

— Братец Чжао и впрямь очень добрый человек.

Тот пробормотал что-то невнятное и поспешил сменить тему.

Юноша знал: кормилица ни за что не назвала бы чужаку его настоящее имя, даже поддельное. За семь лет скитаний она научилась не доверять никому.

Так откуда Чжао Фан его узнал?

Этот вопрос не давал ему покоя.

А если вспомнить спрятанную нефритовую подвеску... Это единственный знак его происхождения. Зачем Чжао Фану её прятать?

Кто он такой? Враг или друг?

Если враг – почему не убил сразу? Если друг – зачем убил кормилицу?

Юноша не находил ответов. Глядя на Чжао Фана, который увлеченно что-то чиркал в тетради, лежа на подушке, трудно было заподозрить в нем хитрого интригана.

Но каждое его слово, каждое действие отдавало какой-то немислимой странностью.

Когда днем дошли до счета, юноша изумился еще больше. Методы Чжао Фана были просты и понятны, но он никогда не встречал ничего подобного.

Вопросов была тьма, но, играя роль «дурачка», он мог спрашивать лишь о самых элементарных вещах.

Чжао Фан обстоятельно отвечал на всё:

— Тебе понятно?

Юноша, сдерживая порыв показать свои способности, медленно покачал головой. Раз уж начал прикидываться – надо идти до конца.

Чжао Фан ласково погладил его по голове, утешая:

— Не спеши, я всё растолкую. Это сложные знания, но они тебе пригодятся, поверь.

Глядя на него, Гунсунь Сы чувствовал, как в душе нарастает смятение. Он всё меньше понимал этого человека.

Под конец учебного дня Чжао Фан спросил:

— Ну как, нравится учиться?

— Нравится, — ответил юноша с наивной улыбкой.

И это была почти правда. Поразительно: простой слуга знал такие вещи, о которых не ведали и мудрейшие мужи.

Довольный интересом ученика, Чжао Фан пообещал:

— Вот и славно. А вечером я расскажу тебе сказку.

Ужин прислала сама мать Чжао, лично стоявшая у плиты; вместе с едой принесли теплую стеганую куртку и плотное одеяло для юноши.

Чжао Фан лишь усмехнулся про себя: «Вот она, страсть к наживе. Как ловко матушка вцепилась в призрачную надежду на знатность».

Впрочем, так было даже лучше: по крайней мере, мальчишке обеспечат спокойную жизнь на ближайшие годы.

После еды и очередной порции мази Чжао Фан с комфортом растянулся на кровати. Он лег с краю, спиной к подопечному:

— Сначала я поведаю тебе историю «Троецарствия», а потом и до других дойдем.

— Уж поверь, у меня историй в голове столько, что на три года хватит.

К тому времени юноша уже должен будет покинуть резиденцию и начать свой путь. Не держать же его тут вечно.

— Кхм, итак, начнем.

Чжао Фан прочистил горло и заговорил нараспев:

— Говорят, что силы Поднебесной, долго будучи разделенными, стремятся к единению, а долго будучи едиными – к разделу. Так было, когда семь царств враждовали в конце династии Чжоу...

— Когда же Гао-цзу убил Белую змею и поднял восстание, он объединил империю... а после

случилось разделение на три царства.

Вкратце обрисовав исторический фон, Чжао Фан перешел к делу:

— Сегодня разберем первые две главы: «Клятва в Персиковом саду» и «Наказание плетью инспектора».

— Глава первая. Трое мужей – Лю Бэй, Гуань Юй и Чжан Фэй – приносят клятву братства в цветущем саду...

За годы учительства Чжао Фан довел искусство рассказа до совершенства. Его голос звучал отчетливо, с нужными интонациями и живыми чувствами; юноша слушал затаив дыхание, и в его воображении уже гремело оружие и ржали боевые кони.

Внезапно рассказ оборвался.

Юноша подождал немного – тишина.

Он приподнялся и заглянул Чжао Фану в лицо: тот крепко спал. Видно, это была первая ночь в сарае, и усталость взяла свое.

В тусклом свете свечи черты лица мужчины казались мягкими и спокойными, длинные ресницы отбрасывали легкие тени, придавая ему какой-то покорный вид.

Эта беззащитность Чжао Фана почему-то разозлила юношу.

«Совсем страх потерял», – подумал он.

Гунсунь Сы долго смотрел на спящего, затем его рука медленно потянулась к горлу Чжао Фана и едва коснулась хряща.

Самое уязвимое место. Один резкий рывок – и кость сломается.

Кончики пальцев ощущали тепло чужого тела и ровную, сильную пульсацию артерии.

Чжао Фан и не подозревал о смертельной опасности.

Взгляд юноши потемнел.

На лице его не отразилось ни единой эмоции, лишь кончик языка медленно скользнул по острым зубам.

Что ж.

Вместо того чтобы душить, ему сейчас куда больше хотелось укусить.

<http://bllate.org/book/18123/1739319>